

с тем объективно стал и выразителем определенных народных настроений своей эпохи. Не только одной фанатичностью поэтому следует объяснять его огромную популярность среди масс.⁵ Точно так же и его «Житие», в отличие от многих произведений собственно старообрядческой литературы, в том числе и в отличие от некоторых других писаний самого Аввакума, стало значительным фактом русской и мировой литературы прежде всего в силу того, что оно с огромной силой выразило определенный момент народной жизни, страстные искания и заблуждения самих народных масс. В связи с этим трудно согласиться с Н. К. Гудзием, который, тонко чувствуя и по достоинству оценивая художественное значение «Жития», в то же время пишет, что сочинения Аввакума стали «выдающимися явлениями старой русской литературы совершенно независимо от того идейного наполнения, которое им присуще».⁶

Только связью «Жития» Аввакума со стихийным народным движением можно объяснить исключительную по драматизму подвижническую жизнь его центрального героя и его самоотверженную борьбу за осуществление своих целей. В отличие от многих идеальных героев древнерусских житий, стоявших неизмеримо выше современного им общества, как бы действовавших вне социальной среды, Аввакум как герой художественного произведения лишен, в сущности, исключительности. Мы все время ощущаем связь героя с определенной средой, его «нормальное» в известном смысле положение: в постигшем его несчастье он не оказывается одиноким. Еще прежде оно обрушивается на протопопа Неронова и двух Данилов. Впоследствии он делит заключение с Елифаном, дьяконом Федором, священником Лазарем, юродивым Федором и «Афанасюшкой миленьким», причем с ними обращаются куда строже, чем с самим Аввакумом. С самого начала его «волокиты» он находит поддержку и сочувствие главным образом простых людей.⁷ Когда его изгоняют после столкновения с «начальниками», то за ним следуют «с рыданием плачущие» «препровожающие жители того места, мужи и жены, и отрочата, множество народа». Архиепископ тобольский явно ему покровительствует и спасает от последствий расправы над Струной. В Даурской земле, под началом Пашкова, он сыскивает себе доброжелателей в лице жены и снохи самого Пашкова и некоего «прикащика», а сын Пашкова,

⁵ Свидетельством этой популярности служат не только собственные признания Аввакума («Меня жалуют люди-те, знают гораздо везде»), не только исторические документы, но и дошедшие до наших дней устные предания об Аввакуме (см.: В. И. Малышев, Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 372, 375). Новые материалы позволяют предположить, что Аввакум не ограничивался одной религиозной проповедью, но и выражал критическое отношение к царившей социальной несправедливости и произволу, открыто заявлял «буттось... везде в начальных людех, во всех чинех нет никакой правды», и даже пытался «учинить смуту» казаков против воеводы Пашкова (см.: В. И. Малышев, Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 396). Вряд ли следует сомневаться в достоверности фактов, изложенных в этих документах, как это делает В. И. Малышев. Если бы Пашков хотел только оправдать избитие Аввакума на Долгом пороге, ему было бы достаточно сослаться на религиозную агитацию ссыльного протопопа. Между тем характерно, что об этом ни слова нет в отписке Пашкова. Во всяком случае знаменательно то, что в представлении Пашкова Аввакум был таким же «вором», как и восставшие казаки на Байкале и в Верхотенске (ТОДРА, т. IX, стр. 398).

⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6-е. Учпедгиз, М., 1956, стр. 463.

⁷ Этому не противоречит участие в некоторых случаях «мужиков и баб» в преследованиях Аввакума — здесь проявлялась «народная ненависть к попам» вообще, которая «лишь в редких случаях» обращалась на людей типа Аввакума (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 121).